

УДК 9 (47) 177 + 9 (4) 3

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Зубачевский В. А.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: zubachevskiy@mail.ru

В преддверии 100-летия начала Первой мировой войны ее предыстория и история требуют дальнейшего исследования. Советские историки рассматривали мировую войну как катализатор революции, однако в наши дни ученые обратились к изучению вопроса о том, насколько тотальная война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, характер социальных институтов и государственных структур. С этой темой связана внешнеполитическая проблематика мировой войны. В статье кратко изложена историография проблемы на примере политики Российской империи в Центральной Европе, поскольку восток региона представлял конфликтное поле геополитических интересов России, Австро-Венгрии, Германии. На первом месте в политике великих держав стоял польский вопрос.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Центральная Европа, историография, польский вопрос.

POLICY OF RUSSIA IN CENTRAL EUROPE ON THE EVE OF AND DURING WORLD WAR I

Zubachevskiy V. A.

FGBOU VPO "Omsk State Teacher's Training University", Omsk, Russia (644099, Omsk, Quay them. Tukhachevsky street, 14), e-mail: zubachevskiy@mail.ru

As we approach the date of 100 years since the beginning of World War I, its diplomatic prehistory and history demand further research. Soviet historians considered World War I as a catalyst of revolution. However, these days scientists more often refer to the question of how much total war changed the society, behavior stereotypes of population, nature of social institutes and state structures. This topic is related to the foreign policy problems of Great War. The article outlines the historiography of the question by the example of Russian Empire's policy in Central Europe, since the East of the region was a conflict area of geopolitical interests of Russia, Austria-Hungary and Germany. The Polish Question was Great Powers' number one concern in their policies.

Keywords: World War I, Russian Empire, Central Europe, historiography, The Polish Question.

Введение. В преддверии 100-летия начала Первой мировой войны ее предыстория и история требуют дальнейшего исторического исследования. Тема Великой войны (так ее называли в России с 1916 г.), заслоненная революциями 1917 г. и Гражданской войной, до сих пор не получила должного отражения в российской исторической науке и массовом общественном сознании. Назрела необходимость определить ее значение для общественно-политического дискурса в современной России, странах ближнего и дальнего зарубежья; выявить ее место в исторической памяти российского общества начала XXI века.

Советские историки рассматривали Первую мировую войну как катализатор революции, однако в наши дни ученые обратились к изучению вопроса о том, насколько тотальная война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, характер социальных институтов и государственных структур. С этой темой связана внешнеполитическая проблематика мировой войны, начиная с ее дипломатических истоков и кончая плавным перетеканием послеверсальской “передышки” в предвоенный кризис 1938 – 1939 годов.

Отдельные авторы бросают вызов стереотипам прошлого, дававшим все преимущества нарративу. Американский историк Дж. Морроу в изданной в 2003 г. книге “Великая война с позиции имперской истории” реабилитирует теорию империализма. В историографии дискутируется тезис о том, что победа Германии в войне была бы не столь губительна для человечества, нежели ее поражение, вызвавшее к жизни гитлеровский реваншизм [13]. Этот тезис дает толчок к размышлениям об альтернативном подходе к решению “русского вопроса”. На повестку дня выходит проблема преемственности российской внешней политики, стремившейся, прежде всего, к созданию “зоны безопасности” вдоль западных рубежей державы. Современные российские ученые доказывают, что внешняя политика Российской империи была лишена серьезных националистических настроений, которым западная пропаганда отводила роль источника “русской агрессивности”.

В более широком контексте мировая война способствовала началу “заката Европы”, что констатировал в 1918 г. О. Шпенглер. Философ датировал возникновение замысла написания своей книги 1911 г., периодом марокканского кризиса между Германией и Францией и захватом Италией Триполи. В мировой войне Шпенглер увидел симптом начинающейся агонии западной культуры [25].

Возникшая в конце XX – начале XXI в. система европейских геополитических координат напоминает Версальскую систему, что объясняет особый интерес Российской Федерации к истории Первой мировой войны. Опыт политики Российской империи по защите ее западных рубежей в начале XX в. актуален для современной России, но комплексного освещения в отечественной исторической литературе он не получил и нуждается в дальнейшем исследовании. По целому ряду аспектов конфликты России с Австро-Венгрией и Германией остаются объектом научной дискуссии как между российскими и зарубежными учеными, так и внутри сообщества отечественных историков.

Сложность и деликатность истории XX в. заключается и в том, что восприятие наиболее болезненных эпизодов в отношениях России и возникших после мировой войны новых государств на востоке Центральной Европы идеологизируется сегодня не только историками и политиками Запада и бывших советских республик, но и российскими учеными и политиками. Бесспорно, это сказывается на состоянии преподавания истории в средних и высших учебных заведениях; на формировании исторического мировоззрения молодежи и общественного сознания в целом.

Отечественная историография уделяет изучению внешней политики России много внимания, но автор дает характеристику наиболее важным научным публикациям, поскольку необходимо рассмотреть как политику России, так и политику Австро-Венгрии и Германии в Центральной Европе. Вопрос оказался на стыке отечественной и зарубежной истории, что

определило его многозначность. Исследования посвящены, как правило, двусторонним или международным отношениям, историческим событиям или территориальным проблемам.

Советские публикации 1920-х – начала 1930-х гг. о политике России в Центральной Европе носили обусловленный текущим моментом и, следовательно, спорный характер. Интересна книга военного историка А. М. Зайончковского, который пришел к выводу, что в вопросах защиты российских западных и южных рубежей политика империи носила “отпечаток авантюры” [6]. Направленность исторических работ в целом определяла школа М. Н. Покровского, который отстаивал идею кардинального разрыва истории Советского Союза и Российской империи, объявляя главным виновником начала мировой войны царизм [18]. Е. В. Тарле подверг критике идеи Покровского, но, в свою очередь, обелял позицию стран Антанты, включая Россию, в развязывании войны [24].

16 мая 1934 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР утвердили постановление о преподавании гражданской истории в советских школах. Идея разрыва традиций царской России и СССР заменялась идеей преемственности, которую отстаивали Е. В. Тарле и С. Ф. Платонов. Поворот в политике И. В. Сталина обеспечил возврат историков к изучению российской внешней политики. Генсек запретил, в частности, публикацию статьи Ф. Энгельса “Внешняя политика русского царизма” (Энгельс доказывал ее крайнюю реакционность). Написанное 19 июля 1934 г. письмо о запрете Сталин адресовал членам Политбюро ЦК ВКП (б), но разрешил опубликовать его в журнале “Большевик” в мае 1941 года [21]. С 1936 г. начался разгром “антимарксистской школы Покровского” и формирование по сути имперской внешнеполитической идеологии. Но и в новых условиях предвоенную внешнюю политику Российской империи в “Истории дипломатии” специально не выделили [9].

В 1950-е гг. вопрос о политике России, Австро-Венгрии и Германии в регионе рассматривался в контексте международных отношений, обусловленных стереотипами “холодной войны”. Однако с конца 1950-х гг. в СССР и за рубежом стали публиковать неизвестные архивные материалы. Это позволило историкам в 1960 – 1980-е гг. более объективно анализировать международные отношения начала XX века. Во 2-м издании т. II “Истории дипломатии” В. М. Хвостов осветил характер внешней политики России, а в т. III написал главу о дипломатической борьбе в ходе мировой войны [10, 11].

Преемственность политики кайзеровской и Веймарской Германии раскрыли В. К. Волков, Т. Ю. Григорьянц, А. Я. Манусевич, Г. Ф. Матвеев, И. И. Поп в коллективных трудах и сборниках статей, изданных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР [3, 5]. В 1970-е гг. о Первой мировой войне писали в коллективных работах и монографиях военные историки, упоминая и о политике России в Центральной Европе [12, 20, 23]. В тему мировая война вошла история Брестского мира, которым закончилось участие в ней России. А. О. Чу-

барьян и другие ученые отметили, что Россия не потерпела военного поражения, а вышла из войны, сберегая солдатские жизни [25].

Новые условия для изучения проблемы возникли после окончания “холодной войны” и изменения геополитической ситуации в Европе. В российских публикациях 1990-х – начала 2000-х гг. наблюдается отказ от идеологических стереотипов, расширение диапазона факторов, влиявших на формирование внешней политики России; анализ действий российской дипломатии в контексте европейской политики, углубление методологии исследований.

Для понимания предыстории проблемы интересна монография П. В. Стегния о разделах Польши. Ученый отметил, что польский вопрос во многом определил сущность феномена, называемого имперской составляющей внешней политики России. По его мнению, объективная оценка разделов Польши возможна при условии их рассмотрения в рамках эволюции международных отношений в Европе. Польша стала заложником и одновременно “частным случаем” крупномасштабной геополитической игры. Задачей России являлось обеспечение защитимого и контролируемого западного фланга, где в качестве ее вероятных противников выступали Пруссия и Австрия. Стегний отметил, что Екатерина II понимала важность сохранения Польши в качестве буфера между Россией, Австрией и Пруссией, но под давлением последних пошла на окончательный раздел Польши [22].

Все чаще историки обращаются к проблеме геополитической преемственности в политике России. Б. Н. Миронов считает, что экспансию Российской империи стимулировали геополитические соображения: прочные границы; стремление обрести незамерзающие порты, помешать захвату соперниками пограничных территорий или включить их в сферу своего влияния. Ученый ссылается, в частности, на мнение американского историка Р. Меллора, писавшего: «Россия приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить» [14].

Вопросы политики Российской империи на ее западных рубежах накануне и в период мировой войны анализируются в V томе “Истории внешней политики России”, авторами которого являются ученые Института российской истории (ИРИ) РАН. Историки характеризуют факторы, определявшие российскую внешнюю политику, поэтапно раскрывают механизм ее формирования. Показаны усилия правящих кругов по поддержанию великодержавного статуса России, вскрываются противоречия между ее национальными и имперскими интересами, во многом объясняющие крах внешней политики царского и Временного правительств. Авторы рассматривают Россию как особый тип империи, для которой завоевание не являлось главным средством территориального расширения, а политическая зависимость и национальное неравноправие преобладали над колониальной эксплуатацией. Достоинством тома являются специальные главы о механизме принятия внешнеполитических решений в России.

Рассматриваемый период был временем растущего внимания к внешней политике со стороны российского общества: авторы, в частности, проследили эволюцию внешнеполитических взглядов основных политических партий России. Новацией является характеристика “политики соглашений и балансирования”, принятой российским правительством после поражения в войне с Японией. Но Россия вступила в мировую войну, не завершив, ни модернизации, ни запланированных военных приготовлений. По-новому трактуется внешняя политика Временного правительства: показано, что все кабинеты выступали за продолжение войны в составе Антанты [8].

Внешнюю политику России в 1907 – 1914 гг. анализирует А. В. Игнатъев, раскрывая механизм принятия в России внешнеполитических решений (роль царя, министров, послов, лидеров политических партий). Ученый отмечает, что партии и печать оказывали на внешнюю политику сравнительно слабое влияние, характеризует особенности геополитического положения России [7]. Геополитические взгляды государственных и военных деятелей Российской империи рассматриваются в очерках, изданных ИРИ РАН [18]. А. Ю. Бахтурина пишет о политике России в Царстве Польском и на временно оккупированных территориях Австро-Венгрии в годы мировой войны [1].

В 1990-е гг. к юбилеям – начало и конец Первой мировой войны – вышли в свет сборники материалов конференций по ее проблемам. Статьи первого сборника неравноценны по содержанию и глубине анализа, иногда фрагментарны [15]. Второй сборник представил квинт-эссенцию того, что дали российские и зарубежные историки по проблемам мировой войны. Ученые приводят свежие факты, ставят новые вопросы, раскрывают современные подходы к истории войны [17]. В связи с подготовкой к 100-летию Великой войны под эгидой Российской Ассоциации историков Первой мировой войны изданы коллективные труды. В очерке истории мировой войны рассмотрены ее генезис, влияние войны на развитие цивилизации, итоги и последствия. В книге освещены боевые действия, политика, дипломатия, национально-психологические и цивилизационные аспекты войны [16]. В центре внимания авторов труда о войне и обществе – социально-экономические, идейно-политические, этнические, конфессиональные изменения и революционные потрясения в странах-участницах войны [2]. По мнению ученых, сегодня историческое сообщество стоит на пороге нового этапа изучения мировой войны в целом и политики России, в частности.

Немалое внимание политике России в Центральной Европе уделяет **польская историография**. Р. Дмовский (лидер польской партии “Национальная демократия” – эндеки – и депутат российской Госдумы) характеризовал как “географическое уродство” Галицию и Царство Польское, считая, что для прочного обладания ими необходимы “дальнейшие территориальные приобретения” [4].

Польские работы 1920-х гг. носили в основном публицистический характер. Не ставя вопрос об обоснованности вхождения в состав Польского государства украинских, белорусских, литовских земель, историки и политики писали о том, что Антанта заплатила Польше при решении проблемы ее границ недостаточно высокую цену. Наиболее четко их позиция отражена в работе Дмовского “Политика Польши и восстановление государства” [28]. Но в книге М. Бобжиньского “Воскрешение Польского государства” программа Дмовского подверглась критике, поскольку концепция эндеков следовала во многом этнографическому принципу, что обусловило потерю для Польши части земель на востоке, входивших в Rzeczpospolita до ее разделов в XVIII веке. Историк защищает программу Ю. Пилсудского (начальник Польского государства в 1918 – 1922 гг.) [26].

До осуществления в 1926 г. Пилсудским государственного переворота в работах польских историков конкурировали как концепция эндеков, выступавших за Польшу в сравнительно этнических границах, так и взгляды пилсудчиков по созданию “федеративной” (великодержавной) Польши. После утверждения “режима санации” возобладала легенда о “подлинных” освободителях Польши – воевавших на стороне Германии и Австро-Венгрии польских легионах во главе с Пилсудским. Так, историк В. Конопчиньский критиковал стремление Пилсудского сделать столицей “ягеллонской Rzeczpospolitej” Вильно, которое стало бы “центром центрально-восточной Европы” [35], поэтому его книги по истории XX в. не издавали как в 1930-е гг., так и в Польской Народной Республике (из-за правых взглядов автора).

Существенное значение имеют труды историков ПНР 1960 – 1980-х гг., содержащие неизвестный ранее материал и довольно взвешенные трактовки исследуемой проблемы. Важную информацию содержит III том “Истории польской дипломатии” [32]. Правда, с конца 1960-х гг. на изучение польского вопроса оказало влияние ревизионистское направление в историографии ПНР, возникшее под воздействием социально-политического кризиса в Польше. В ходе событий 1980 – 1981 гг. был гальванизирован миф о Пилсудском как “крупнейшей политической фигуре XX века”. После окончания “холодной войны” легенды довоенных лет в польской историографии возобладали, хотя ряд ученых анализирует польский вопрос с позиций относительного историзма [36].

Немецкая историография. Преемственность на востоке Центральной Европы была характерна и для политики Германии. Националистически настроенные немецкие историки в 1920 – 1930-е гг. доказывали принадлежность Германии земель, отошедших к Польше по решениям Парижской мирной конференции 1919 года. Сегодня в историографии ФРГ видное место занимает либеральная школа Ф. Фишера, известного объективной трактовкой генезиса Первой мировой войны. Предметом исследований Фишера в книге “Рывок к мировому господству” стала преемственность целей германского империализма XIX – XX веков. В 1970 –

1980-е гг. Фишер распространил свой подход к Первой мировой войне на генезис Второй мировой войны, обратив внимание на сохранение доктрины “срединного положения Германии в Европе” [29, 30]. Ученик Фишера И. Хайсс в книге “Польская пограничная полоса в 1914 – 1918 гг.” критиковал правящие круги кайзеровской Германии за аннексионистские планы в отношении Польши, сравнивая их с нацистскими [31].

Консервативная историография отвергла метод “политико-социальной истории” Фишера, противопоставив его принципам геополитический подход (Фишер не отрицал его значимость). Историки-консерваторы обуславливали политику Германии в XX в. “ее срединным положением в Европе” и “бедностью занимаемого ею пространства”. Исследованием политики Германии на востоке Центральной Европы занимались М. Брошат и Х. Яблоновски, пытавшиеся свести польский вопрос к борьбе национальностей [27, 33].

В современной историографии ФРГ встречаются разные оценки политики Германии в Центральной Европе как в годы мировой войны, так и после ее окончания. О. Ференбах называет Версальский мирный договор недальновидным: чтобы уничтожить Германию, договор был слишком мягок; чтобы просто наказать ее, слишком унизителен [24]. О. Данн пишет, что поражение Германии создало для нее на востоке Центральной Европы “выгодные предпосылки”: в результате распада Австро-Венгрии и Российской империи у Германии стало меньше конкурентов, а благодаря вынужденным территориальным уступкам рейх избавился от проблемных территорий с этническими меньшинствами [23]. Эту точку зрения разделяет Э. Кольб, подчеркивая, что Россия была вытеснена из Центральной Европы и длительное время занята своими внутривосточными проблемами [34].

Резюмируя, отметим: в преддверии мировой войны руководство Российской империи имело стратегический интерес к сопредельным территориям Германии и Австро-Венгрии, но, понимая неудобство геополитической конфигурации западных российских рубежей и неподготовленность страны к войне, стремилось уклониться от назревающего конфликта. Во время войны, несмотря на профессионализм русских дипломатов, по “качеству” внешнеполитического руководства Россия явно отставала от центральных и западных держав, поэтому сложившаяся к 1917 г. неблагоприятная для России ситуация в регионе объяснялась не только военными успехами Германии. Из историографического обзора следует, что существует потребность в дальнейшем изучении политики Российской империи в Центральной Европе.

Список литературы.

1. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
2. Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. Золотарев В. А.; отв. ред. Листиков С. В. М.: Наука, 2008.

3. Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. Сб. статей / В. К. Волков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1974.
4. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Б.и., 1909. С. 35-36.
5. “Дранг нах Остен” и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871 – 1918 гг. / В. К. Волков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1977.
6. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л.: Военная типография Управления наркомвоенмор и РВС СССР, 1926.
7. Игнатъев А. В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000.
8. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Ред. колл. В. А. Емец, А. В. Игнатъев, С. В. Тютюкин и др. Изд. 2-е. М.: МО, 1999.
9. История дипломатии. Т. II / Автор В. М. Хвостов. М.: Политиздат, 1945.
10. История дипломатии. Изд. 2-е. Т. II / Автор В. М. Хвостов. М.: Политиздат, 1963.
11. История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III / Авторы И. И. Минц и др. М.: Политиздат, 1965.
12. История Первой мировой войны. 1914-1918 / Под ред. И. И. Ростунова. В 2 т. М.: Наука, 1975.
13. Мальков В. Л. О новых подходах в изучении истории Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. М.: Наука, 2006. С. 20-24.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2. С. 26, 51.
15. Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М.: Наука, 1994.
16. Первая мировая война. Исторический очерк / Науч. рук.: В. Л. Мальков; Отв. ред.: Г. Д. Шкундин. 2-е изд. М.: Наука, 2005.
17. Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М.: Наука, 1998.
18. Покровский М. Н. Империалистская война: Сб. статей (1915 – 1930). М.: Политиздат, 1931.
19. Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX в.: очерки / Рыбаченок И. С. (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2003.
20. Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976.
21. Сталин И. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9.

22. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М.: МО, 2002. С. 8, 65, 413.
23. Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974.
24. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871 – 1919 гг. // Сочинения в 12 т. Т. 5. М.: АН СССР, 1959.
25. Чубарьян А. О. Брестский мир. М.: Наука, 1964.
23. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. С. 249.
24. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М.: Аграф, 2001. С. 69-70.
25. Шпенглер О. Закат Европы. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 41, 634-635.
26. Bobrzyński M. Wskrzenie Państwa Polskiego. T. I: 1914-1918. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925.
27. Broszat M. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München: Ehrenwirth, 1963.
28. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Wyd. 2. W.: S.n., 1926.
29. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914 / 1918. Düsseldorf: Droste Verl., 1962.
30. Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911-1914. Düsseldorf: Droste Verl., 1987.
31. Geiss I. Tzw. polski pas graniczny 1914-1918: Przyczynek do niemieckiej polityki wojennej w czasie I wojny światowej. W.: PWN, 1964.
32. Historia dyplomacji polskiej. T. III. 1795-1918 / pod red. G. Labudy. W.: PWN, 1982.
33. Jablonowski H. Russland, Polen und Deutschland. Köln; Wien: Böhlau, 1972.
34. Kolb E. Der Frieden von Versailles. München: C.H. Beck Verl., 2005. S. 104.
35. Konopczyński W. Historia polityczna Polski. 1914-1939. W.: “ad astra”, 1995.
36. Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego (1918 – 1990) / pod red. A. Czubiński. Poznań: UAM, 1992.

Рецензенты:

Худяков В. Н., профессор, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Чуркин М. К., профессор, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.